

УДК 130

Артеменко А. П.

ИДЕОЛОГИЯ СУБЪЕКТА: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Центральной темой работы является исследование концепта «субъект» в современной и постсовременной философско-правовой литературе. В статье отмечается общая тенденция отказа от «трансцендентальной грамматики» в философско-правовой литературе при толковании понятий «субъект», «справедливость», «свобода». Основные антропологические категории рассматриваются в деятельностном аспекте, что позволяет продемонстрировать ключевые отличия различных моделей осмысления общества XIX и XX вв.

Ключевые слова: субъект, справедливость, право, государство, свобода.

Центральною темою роботи є дослідження концепту «суб'єкт» у модерній і постсучасній філософсько-правовій літературі. У статті відзначено загальну тенденцію відмови від «трансцендентальної граматики» в сучасній філософсько-правовій літературі для трактування понять «суб'єкт», «справедливість», «свобода». Основні антропологічні категорії розглянуто в діяльнісному аспекті, що дозволяє продемонструвати ключові відмінності різних моделей осмислення суспільства XIX та XX ст.

Ключові слова: суб'єкт, справедливість, право, держава, свобода.

The central theme of the work is study of the concept of subject in modern and postmodern philosophical and law literature. In the article a general tendency in a law and philosophical literature is shown as a trend away from the "transcendental grammar" in interpreting the terms subject, justice, freedom. The main anthropological categories are discussed in the aspect of social activity that allows to demonstrate the key differences of various models of understanding of society that were created in XIX and XX centuries.

The keywords: subject, justice, law, state, freedom.

Ансамбль социальных отношений формируется множеством составляющих, среди которых нюансы ментальных образов играют особую роль. Они не только могут изменить прочтение определенной теоретической модели общества, но и сформировать иную социальную и правовую систему. Современное понимание связи человека и общества вырастает из этой осознанной, вынужденной принадлежности к окружению и предполагаемой чувствительности окружения к факту присутствия каждого человека.

Отказ от идеологических схем социального анализа, а вернее, попытка их модернизировать в конце XX века имела глобальные последствия. Распад устойчивой идеологической оболочки политико-правовых процессов XX века открыл глубинную идею прав человека как свободы самоопределения. Модель новой системы самоидентификации личности вытеснила привычное для модерности представление о нерушимости связи прав человека с гражданством. Современная формула «права человека и гражданина» существенно трансформировалась и, наконец, вернулась к своему изначальному, чистому теоретико-правовому смыслу. По выражению О. Хёффе, «мы, наконец, переходим к правам человека как человека» [5, с. 53], а не

приложения к государству, нации или классу. Фактически в этой ситуации происходит разрушение иллюзии относительно государства как действующего субъекта социальных отношений, а вместе с этим и поиск другой системы определения статуса гражданина, которая была бы не привязана к культурно-исторической локальности, а имела более универсальный характер «о-пределения». Это заставляет обратить внимание на то, что Х.-Г. Гадамер называл «пред-понимание» – систему ментальных установок и связанных с ними социальных практик, которая «имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы» [3, с. 617]. Существующие в рамках этой системы понятия выступают в качестве критериев самооценки человека и его социальной репрезентации. Это заставляет нас обратиться к теме исследования значений понятий, которые вербализируют систему опытно-научного рационализирования, ассоциированную с истинной.

Итак, конкретизируем цели и задачи нашего исследования.

Во-первых, необходимо проанализировать представление о социальном субъекте, которое сформировало основы идеологии субъекта в XX веке.

Во-вторых, эволюция идеологии субъекта приводит к изменению базовых представлений о значении и роли человека в обществе. В рамках этой идеологии возникает внутренний конфликт между социальной детерминированностью и личной свободой.

Получение гражданином широких политических прав, народом (нацией) статуса номинального носителя государственного суверенитета и верховной власти в государстве – все эти компоненты идеологии субъекта превращаются в компоненты идеи прав человека. Как отметил О. Хёффе, образ человека является не только содержательно очерченным, но и ограниченным в своей значимости, современный образ человека – индивидуалистический, мы опираемся на этот образ, принадлежащие ему права только потому, что он является человеком, имеющим ограниченную значимость [6, с. 34]. Для современной парадигмы ограниченность значимости человека выражается в понимании его как социального субъекта с четким набором прав и функций. В свою очередь этот набор становится основой для образования социальных структур и формирования социальных смыслов, того, что в обобщенном виде предстает как историческая или локальная культурная модель.

Начиная с Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка и заканчивая В. Гумбольдтом, Г. Еллинеком, Г. Кельзенем, в европейских правовых концепциях понятие «субъект» используется для абстрагирования мысли о личности как конкретном участнике социально-правовых процессов. Можно предположить, что в Новое время в литературе философско-правового направления начал выстраиваться синонимический ряд «личность – гражданин – субъект», образование которого способствовало постепенному вытеснению первых двух понятий из сферы общих терминов правовой теории.

Безусловно, понятия «личность» и «гражданин» не вышли из научного употребления, однако их использование в философско-правовой литературе стало требовать специфических коннотаций. Мы можем говорить об изменении научных интересов, предмета анализа и, как следствие, смещении применения понятия

«субъект» в плоскость общих правовых принципов. При этом, как утверждает О. Хеффе, в области общих принципов мы сознательно избегаем четкости определения этого понятия, поскольку оно содержит в себе «частичную антропологию» и может быть соотнесенным с разными культурами и эпохами [5, с. 35]. «Частичная антропология» понимается как следствие современной «методологической ловушки» – привязки субъекта к определенной культурной или политической общности. Следовало найти понятие, которое бы фиксировало новую номинальную общность, соответствующую универсальным требованиям правовой мысли и социальной философии и не отсылающую нас в процессе идентификации к территориальной, этнической или политической общности. Именно поэтому понятие «субъект» приобрело особый статус, который помогает избежать привязки к временному определению, культурной среде, политической ангажированности. Это своеобразная «чистая правоведческая категория», если прибегнуть к аналогии с «чистым правоведением» Г. Кельзена.

Логика такого поиска может быть объяснена иначе. Ю. Хабермас справедливо замечает, что понятие гражданства для XX века стало независимым от национальной идентичности [2, с. 346]. Сегодня гражданство – это уже не историческая, экономическая, культурная и даже не политическая, а правовая общность, основанная на осуществлении права уполномоченного лица. Прагматический подход к пониманию субъекта в очередной раз заставляет искать новые формы его экстерииоризации. Мы можем утверждать, что такое преобразование гражданства в правовое сообщество было центральной темой социальной философии и политико-правовой мысли XX века. Права человека, а не гражданина или нации, стали центром внимания и теоретиков, и практиков права.

Г. Еллинек в конце XIX века создал в правовой теории общий эскиз «системы субъективных социальных прав», которая лишена черт этнической или культурной общности. Это система прав, касающихся сферы услуг (социальных, экономических, культурных), которые должен получить субъект правовых отношений. По выражению Ш. Хосепата, это ответ на требование «распределения необходимых для жизни благ» [4, с. 129], а не декларативная гарантия прав на счастье гражданина. Право не просто конкретизируется, а индивидуализируется. Правовая теория фактически нацелилась на поиск новой юридической формы определения личности как субъекта правовых отношений. Функциональная направленность идеологии субъекта нуждалась в новом обосновании прав, которые не привязывались бы к правам сообщества или государства с его статусом гражданина, культурной, экономической или территориальной «колыбели нации».

Государство XX века определяется как правовой порядок, который действует на определенной территории, а также как корпорация, конструируемая правовым порядком. Это «правовой механизм», а не «живое существо» или «сакрализованный образ общественных отношений», как это навязчиво предлагалось идеологией национальной государственности. Возможно, после всех этих преобразований на фоне нового институционализма, как утверждает О. Хеффе, мы будем говорить о «защите гражданина мира» [5, с. 322], без государства и даже привычных международных организаций.

В свое время Г. Кельзен в работе «Чистое правоведение» доказывал, что в новых условиях понятие «государство» не может мыслиться как «реальное действующее лицо», осуществляющее определенные акты. Государство, по одному из определений Г. Кельзена, – это «вспомогательная конструкция юридического мышления» [8, с. 316]. Есть функции государства, которые могут пониматься только в смысле выполнения своего дела определенным лицом. Персонификация функции государства определяется государственным правовым порядком, т. е. проблема государства как действующего лица является проблемой «метафоры», «языкового употребления». Это то, что О. Хёффе назвал «социальной грамматикой», в соответствии с которой принципы справедливости касаются не только человека, но и общей организации общества [6, с. 50]. То есть понятие «государство» превращается в теоретический конструкт и описывает скорее общие условия, правовой порядок, а не отношения, в которых участвуют граждане и государство. Таким образом, пространство реализации свободы существенно реструктурируется. Его элементы приобретают иную конфигурацию, функциональные характеристики и принципы взаимодействия.

Впоследствии, как заметил Г. Маркузе, понятие «субъект» превратилось в «операционный термин». То есть, государство как субъект – это уже не «коллективная личность», «функциональный деятель», «ответственный за реализацию права гражданина на счастье». Это всего лишь «термин» для обозначения условий, правового порядка, функциональной необходимости и т. д. Г. Кельзен пытался удержаться в пределах позитивистского отношения к определению государства как действующего субъекта, но со многими условиями: «Государство как социальный порядок – это определенный национальный (в отличие от международного) правовой порядок. Государство как лицо является персонификацией этого порядка. [...] Это государство – бюрократический аппарат чиновников во главе с правительством» [8, с. 317–318]. Но индивидуализация социальных и правовых отношений требовала новых обобщений, которые возвратили бы теоретиков права к понятию «субъект» в отношении государства.

Государство-субъект приобретает свое конкретное выражение – «чиновники во главе с правительством», – что, в конце концов, сводится к персонификации государства. Если формально право является авторизованным, то его требования не являются безличными и обращения предусматривают конкретных исполнителей – субъектов отношений. При таком подходе рождается принципиально новая схема связи государства и гражданина, которая трансформировалась в систему взаимодействия субъектов правовых отношений без традиционных маркеров принадлежности к национальному государству.

В XX веке сложилась теория справедливости как обмена услугами между субъектами социального взаимодействия. Ее главная идея – взаимность обмена услугами между субъектами социального (правового) взаимодействия. От институциональной идеи права был сделан шаг к пониманию фактичности и нормативности права. Право перестало быть абстракцией, теперь это «закон в действии». По мнению Р. Циппелиуса, это означает, что для такой оценки имеет значение не только наличие в обществе правовой нормы, но и индивидуализированного механизма того, как смысловое содержание правовой

нормы воспринимается разными людьми» [12, с. 24]. Именно это обращение к субъекту как действенному участнику процесса социальной коммуникации придает пониманию права intersubjectивный и transsubjectивный аспекты.

Этот сдвиг в правоведении породил «теорию справедливости как честности» Дж. Ролза и идею «восстановительного правосудия» Х. Зера. Громкие выводы работы этих юристов-теоретиков сводятся к декларации единственного принципа – «решать дела других как личные». Логика этого тезиса достаточно проста. Во-первых, нельзя выбирать принципы справедливости для каждого отдельного случая, должны быть общие критерии, одобренные каждым участником правового взаимодействия. Для этого и существует процессуальная норма разъяснения прав участников процесса. По мнению Дж. Ролза, концепция справедливости не может содержать в себе никаких идей блага, помимо чисто инструментальных, поскольку прибавление неинструментальных факторов справедливости усиливает значение индивидуального выбора [10, с. 76]. Во-вторых, каждый человек должен учитывать выбор другого человека, тем более, когда приходится ограничивать собственные интересы. В-третьих, каждый имеет равное право на всеобъемлющую систему свобод при условии согласованности принципов этой системы между участниками взаимодействия.

Каждая из этих трех позиций обращается к идее права как круга доступных форм жизни и как индивидуального рационального выбора. Дж. Ролз замечает, что требования граждан, преследующих собственные цели, которые выходят за этот круг, не имеют силы. Таким образом, концепция справедливости может считаться общей, если ее можно применить к достаточно широкому кругу субъектов, при этом она отражает индивидуальные ценности и характер субъекта [10, с. 77]. Это своеобразное совпадение индивидуальных приоритетов, которое определяет правовой порядок. Главная рациональная обусловленность – выгода (rational advantage) субъектов взаимодействия [10, с. 78]. Создается впечатление, что после появления понятия «первичные блага» в теории справедливости исчезла вся «трансцендентальная грамматика» (в терминологии О. Хёффе), а ссылки на моральную составляющую поступка означают лишь обращение к гипотетическому императиву кантовской традиции.

Дж. Ролз пытался найти социальные предпосылки межличностного общения, которые доступны для наблюдения условий жизни. Множественность субъектов социальной коммуникации, по мнению Дж. Ролза, не требует общей идеи добра или блага. Мы организуем совместные и собственные действия по принципу ситуативного согласия. Так возникает правовая топология, отражающая условия жизни, личностные коммуникации, первичные блага, которые создают правовое и упорядочивают социальное пространство на основании личной договоренности. При этом автономия и самостоятельность деятельности субъектов не должны ограничиваться общими правилами. Позитивное право должно оставить себе чисто инструментальные позиции, которые можно подменить в частной договоренности, что и будет означать восстановительное правосудие.

Именно в таком виде проблема справедливости представлена в концепции «восстановительного правосудия» Х. Зера. Этот автор предложил «спустить преступление с высоты абстракции» [6, с. 148]. Так же в этой концепции были

«спущены с высоты абстракции» понятия «государство» и «гражданин». Благодаря этому преступление выглядит как «нарушение нормальных взаимоотношений между двумя личностями». Это уже не нарушение закона, не оскорбление общественных устоев и морали, поскольку они лишние как «конкретные концепции добра». Здесь вообще нет места и для государства как субъекта правовых отношений. Правосудие уже не может быть рассмотрено как соревнование по правилам между преступником и государством [6, с. 153], потому что государство теперь лишь «операционное понятие», а не гарант осуществления права на счастье или справедливость. Мы изменили статус преступления с «выпада против государства» на «насилие над личностью». Тем самым преступление – это межличностный конфликт, а его формально-правовое определение, как это видит Х. Зер, «порождение правовой системы, которая устанавливает произвольные границы между различными видами нанесения ущерба и конфликтов, это искусственная конструкция» [6, с. 154]. Вслед за пониманием государства как теоретической конструкции, персонификацией отношений государства и гражданина и интерпретацией преступления как «частного дела» мы видим появление интерпретации преступления как «искусственной конструкции», что порождает совсем другое отношение к проблеме правосудия.

Правосудие, по определению Х. Зера, это вовлечение в процесс восстановления нормальных взаимоотношений потерпевшего, преступника и сообщества, «это поиск решения по возмещению ущерба, примирения и восстановления доверия» [6, с. 153]. Создается впечатление, что уход в прошлое «трансцендентальной грамматики» правовых отношений реформатировал и «социальную грамматику» общественных отношений, в результате чего, по словам З. Баумана, «вера в спасательную миссию общества умирает» [1, с. XLIX]. Вместе с этим понимание справедливости обретает совершенно иную форму, а именно установления межличностных отношений, договоренностей, компромиссов, для которых единые нормы больше напоминают рекомендации, а не правила действия.

Такие оценки роли государства, права и даже преступления вполне понятны, когда мы видим общую тенденцию развития правовых идей модерности. Она началась с провозглашения права человека определять свой образ и применения социального статуса как «инструмента» его творения. Была создана «идеология субъекта», в которой сообщество должно было стать «рамкой» проявления личности, представляя её как гражданина, национального или политического деятеля. Нация, государство, класс рассматривались как действующие лица, «коллективные субъекты», которые оттеняли главную идею – личную свободу. Вместе с тем, они создавали постоянную среду противостояния субъекта и окружения, характер которого менялся по мере снятия ограничений и запретов.

Индивидуализация общества стала настолько сильной, что тотальность общественного, характерная для идеологии субъекта XIX–XX веков, потеряла свою актуальность. З. Бауман по этому поводу приходит к выводу о «вторжении частного на территорию общественного» и ее колонизации [1, с. 257]. Отрицание форм социальности (нации, гражданства, класса) способствует фрагментации общественной жизни. Уравнивание значения частных желаний и социальных задач делает настоящую революцию в сознании общества и социальных процессов. Однако

выводы З. Баумана о начале эры индивидуализма сегодня не совсем правильны. Скорее это «индивидуалистический этап» является результатом современного движения за право личности создавать собственный образ, которое постепенно реализовалось через ряд правовых положений, изменение представлений о роли «больших сообществ» и развития «идеологии субъекта».

По своей сути современный индивидуализм принципиально не отличается от индивидуализма договорной теории государства Дж. Локка или идеи субъективной посылки желания у И. Канта. По мнению последнего, субъективный посыл желания является мотивом объективным, предпосылкой воления – движущей причины. Отсюда различия между субъективными целями, основанными на мотивах, и объективными, которые зависят от движущих причин, значимых для каждого разумного существа [7, с. 243]. У З. Баумана эта кантовская сентенция превращается в «биографическое решение системных противоречий» и утверждение, что «индивидуализация пришла надолго» [1, с. 25, 56]. Хотя, скорее, следовало бы сказать, что «индивидуализация пришла давно» и кантовская основа практического принципа человеческой деятельности – разумное существо существует как цель сама по себе, это и есть субъективный принцип человеческих поступков [7, с. 243] – лучшее тому подтверждение.

Индивидуализированное общество – это признак потери человеком контроля над социальными процессами. Точнее, восприятие этих процессов как определенного потока активности, в которой личные приоритеты превращаются в смысл социальной деятельности. Но это черта современного общества, где правовой порядок защищает индивидуальные различия, а не общности. Происходит подмена долгосрочных перспектив краткосрочными, а потому индивиду желательно достичь целей, дающих немедленные результаты. Именно поэтому теряется преимущество сообщества как заботы о перспективе и последствии результатов деятельности.

Понятие «субъект» становится лишним из-за своей антропологической перегруженности. От субъекта социальная философия перешла к актанту, который участвует в процессах наравне с «техническим средством». «Уравнивание прав» окружения и субъекта, превращение его в актанта выдвигает на первый план проблему топоса человека. Индивидуализм достиг определенной цели – отказа от «трансцендентальной грамматики», низведения «с вершин абстракции» всех принципиальных понятий социальной философии и философии права эпохи модерна.

Идеологическая модель, развивая представление об общем благе, правовых нормах, социально-правовом статусе, защищающем права человека, пришла к идее индивидуализма, ситуативности правового решения и справедливости как договоренности сторон о «возмещения ущерба». При этом государство, как механизм регулирования социальных и правовых отношений, так же утрачивает свои абстрактные черты и персонализируется. Решение от имени государства приобретает имя.

Литература:

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман; [пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева]. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

2. *Габермас Ю.* Громадянство і національна ідентичність / Ю. Габермас // Націоналізм: Антологія. 2-ге вид. / Упоряд. О. Проценко, В. Лісовий. – К. : Смолоскп, 2006. – С. 343–359.
3. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Х.-Г. Гадамер; [пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова]. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
4. *Госепат Ш.* До обґрунтування соціальних прав людини / Ш. Госепат // Філософія прав людини / за ред. Ш. Госепата, Г. Ломмана; [пер. з нім. О. Юдіна, Л. Доронічевої]. – К. : Ніка-Центр, 2008. – С. 129–162.
5. *Гьоффе О.* Трансцендентальний обмін – фігура легітимації прав людини? / О. Гьоффе // Філософія прав людини / за ред. Ш. Госепата, Г. Ломмана; [пер. з нім. О. Юдіна, Л. Доронічевої]. – К. : Ніка-Центр, 2008. – С. 32–48.
6. *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. / Х. Зер. – М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. – 354 с.
7. *Кант И.* Основы метафизики нравственности / И. Кант // Соч. в 6. т. – М. : Мысль, 1964. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 238–278.
8. *Кельзен Г.* Чисте правознавство: 3 дод: Пробл. справедливості. / Г. Кельзен; [пер з нім. О. Мокровольського]. – К. : Юніверс, 2004. – 496 с.
9. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / Г. Маркузе; [пер. с англ. А. Юдин]. – М. : RFL-book, 1994. – 368 с.
10. *Ролз Дж.* Идеи блага и приоритет права / Дж. Ролз // Современный либерализм: Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. – М. : Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 76–107.
11. Турен А. Повернення дієвця / А. Турен; [пер. с фр. О. Гуджен, О. Полемченко, Т. Шваб]. – К.: «Альтерпрес», 2003. – 320 с.
12. Циппеліус Р. Філософія права / Р. Циппеліус; [пер. з нім. під ред. Є.М. Причепія]. – К. : Тандем, 2000. – 300 с.